

УДК 316.37; 316.7
DOI 10.18522/2227-8656.2021.1.13

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ВОЗМОЖНА ЛИ РЕИНКАРНАЦИЯ?

Касьянов Валерий Васильевич

Доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор, факультет истории,
социологии и международных отношений,
кафедра истории России,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: culture@kubsu.ru

SOVIET MAN: IS REINCARNATION POSSIBLE?

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociological Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Department of Russian History,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
e-mail: culture@kubsu.ru

В статье рассматривается историческая возможность реконструкции феномена советского человека. Предлагается анализ данного феномена в двух аспектах – идеологическом и реально-историческом. В идеологическом аспекте советский человек предстает как идеологический проект, как предполагаемый результат формирования и деятельности Советского государства. Данная идеологема имела свою историю и связана с процессами, которые обусловили формирование реально-советского человека – как определенной совокупности установок, проявившихся в повседневном поведении советских людей. Однако реально-исторический феномен советского человека не совпадает с его идеологической моделью. Автор считает, что исследования феномена советского человека позволяют говорить о невозможности его рекон-

The article examines the historical possibility of reconstructing the phenomenon of a Soviet man. The analysis of this phenomenon is offered in two aspects – ideological and real-historical. From an ideological point of view, a Soviet person is presented as an ideological project, the expected result of the formation of the Soviet state. This ideology had its own history and is linked to the processes that led to the formation of the real Soviet man – as a certain set of attitudes that manifest themselves in the daily behaviour of Soviet people. However, the real-historical phenomenon of the Soviet person does not coincide with his ideological model. The author believes that studies of the phenomenon of Soviet man make it possible to speak of the impossibility of its reconstruction, since it would mean the recon-

струкции, поскольку она означала бы реконструкцию тех социально-экономических и политических условий, которые вызвали его к жизни. В то же время эмпирические исследования постсоветского общества свидетельствуют о том, что ряд черт советского человека продолжают воспроизводиться в современных условиях, что представляет научный интерес и влияет на развитие Российского государства и общества.

Ключевые слова: советский человек; советское общество; идеология; имперский синдром; постсоветское общество; государство; патернализм.

struction of those socio-economic and political conditions that brought it to life. At the same time, empirical studies of post-Soviet society indicate that a number of traits of the Soviet person continue to be reproduced in modern conditions, which is of scientific interest and affects the development of the Russian state and society.

Keywords: Soviet man; Soviet society; ideology; imperial syndrome; post-Soviet society; state; paternalism.

Введение

В последние годы в российской культуре и общественном сознании можно заметить возрастание интереса к советскому прошлому, причем этот интерес имеет, как правило, ностальгический характер. Советское прошлое, которое для большинства современных россиян отождествляется с периодом застоя (70–80-е гг.), противопоставляется настоящему и выступает как эпоха порядка, предсказуемости, более гармоничных отношений между людьми и т. д. Очевидно, что реальный застой был далек от благостных воспоминаний о нем, тем более что и вспоминать его как часть своей реальной биографии могут отнюдь не все ностальгирующие. Значительная же часть россиян, заставших советскую эпоху детьми или же вовсе её не заставших, более фантазируют на тему советской жизни, чем действительно знают и вспоминают.

Как показывают исследования, советская эпоха мифологизируется в результате разочарования и усталости большинства россиян, обусловленных последствиями постсоветского транзита, утратой целей и перспектив не только отдельными россиянами, но и обществом в целом (Гафиатулина, 2020). Могут ли эта ностальгия и мифологизация повлечь за собой реальное возрождение каких-либо элементов советской реальности, в частности, может ли произойти возрождение советского человека? В данной статье будет рассмотрена возможность такого возрождения.

Теоретико-методологические основания исследования и дискуссии

Чтобы исследовать возможность возрождения советского человека, необходимо определить, что же представляет собой советский человек. По нашему мнению, феномен советского человека может быть рассмотрен в двух измерениях: идеологическом и реально-историческом.

В качестве идеологемы понятие «советский человек» формируется практически одновременно с понятием «советский народ». Советский человек и советский народ предстают не как исторические данности, сложившиеся в ходе стихийного социального развития. Они являются результатом деятельности коммунистической партии и Советского государства, базирующейся на определенных идеологических постулатах. Сам советский режим претендовал на создание человека и общества нового типа. Если иметь в виду такое понимание советского человека, то едва ли возможно рассматривать его возвращение как вероятное. Оно подразумевало бы возвращение создавшей его идеологической политики, что едва ли возможно в современных условиях. Вместе с тем исследование советского человека как элемента советской идеологии и мифологии однозначно важно для анализа динамики советской и постсоветской культуры.

Для того чтобы стать предметом социоисторического исследования, понятие «советский человек» должно иметь некий реальный коррелят. То есть этот человек должен существовать не только как элемент идеологии, но и как реальный феномен. Едва ли не первая попытка такого анализа была предпринята еще в конце 50-х гг. XX в. К. Менертом в книге «Советский человек. Попытка портрета после двенадцати поездок в Советский Союз в 1929–1957 годы».

Как отмечал Менерт, «русские не так легко поддавались советизации, несмотря на все партийно-государственные просветительские и мобилизационные кампании. Большинство советских граждан... были во многом аполитичные люди, их больше заботили средства к существованию, а не коммунизм». Менерт отмечал также глубокое неравенство советских граждан: «об обещанном и провозглашавшемся “классовом равенстве” не было и речи» (Гества, 2013. С. 111). Однако в этой работе, как и во многих других, под советскими людьми понимались просто граждане СССР.

Долгое время находившаяся фактически под запретом отечественная социология начала возрождаться только в 60-е гг., её основной целью было проводить эмпирические исследования, для того чтобы Советское государство имело некие реальные представления о состоянии общества, которым оно управляет. Эмпирические исследования, например, посвященные анализу образа жизни советских людей (в данном случае термин «советские люди» был обозначением гражданства, все граждане СССР были по факту рождения и гражданства советскими людьми), но теоретический анализ, выходящий за рамки идеологических схем, стал возможен лишь на исходе существования советского режима.

Впервые исследование советского человека было поставлено как задача эмпирических исследований и теоретического анализа Ю. А. Левадой. Исследования, продолжавшиеся и в постсоветский период, начались в конце 80-х гг. прошлого века. «Эмпирической основой этого уникального по своей форме исторического источника послужил обширный репрезентативный опрос общественного мнения, проведенный между 1989 и 1991 гг. по формализованному опроснику Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Анкета состояла из более ста вопросов, охватывающих повседневные установки по отношению к работе и семье, религии и традиции, любви и насилию, а также политические взгляды, мнения и ожидания. Всего было опрошено 2 700 человек из разных регионов страны» (Гества, 2013. С. 112).

Эмпирические исследования советского человека продолжались и после первого опроса, уже в постсоветский период. В основе исследования Ю. А. Левады лежала гипотеза о том, что в советский период действительно сформировалась специфическая модель человека, некий особый антропологический тип. Однако эта модель значительно отличалась от идеологического образца.

Исследование Ю. А. Левады и его единомышленников представляет собой наиболее всестороннее изучение советского человека как социального феномена. На основе эмпирических данных была сформулирована концепция советского человека, на которую мы будем ориентироваться в данной статье.

Советский человек как идеологема и как историческая реальность

Вначале необходимо рассмотреть, что представлял собой советский человек как проект человека, который должен был стать результатом радикального переустройства общественной жизни в ходе строительства первого социалистического государства. На макроуровне коррелятом советского человека служил советский народ. Как отмечает З.И. Резанова (Резанова, 2011), первые употребления понятий «советский народ» и «советский человек» встречаются уже в 30-е гг. XX в.

Постепенно эти понятия превращаются в идеологические клише, используемые как советскими средствами массовой информации в пропагандистских целях («советский народ гневно осуждает» и т. д.), так и представителями идеологизированного социально-гуманитарного знания. К примеру, в выступлении Н.С. Хрущева на XXII съезде партии термин «советский народ» используется как обозначение реальной общности, сформированной в результате предыдущего развития Советского государства. В данном случае идеологема замещает историческую ре-

альность, сливается с ней и провозглашает, что в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ.

В вышедшем в 1983 г. словаре терминологии научного коммунизма понятие «советский народ» определяется следующим образом: «Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, возникшая в СССР на основе победы социализма, преодоления классовых и национальных антагонизмов, сближения различных классов, социальных групп, наций и народностей в результате построения развитого социалистического общества и утверждения теснейшего, нерушимого единства всех классов и социальных слоев, всех наций и народностей, гармонических отношений между ними... Это – социалистический союз, своего рода социальный сплав всех трудящихся нашей страны, имеющих общую Родину – Союз ССР, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – коммунизм» (Научный коммунизм, 1983).

Таким образом, советский народ представлялся идеологическим и политическим единством, надстраиваемым над всеми различиями – от экономических до этнических. Распад СССР и напрямую связанные с этим межнациональные конфликты наглядно показали, что эта общность была иллюзией. Утрата идеологии и ослабление государственного регулирования привели к росту значения национальных идентичностей и потере общего советского.

Каждый представитель советского народа, советский человек в первую очередь должен был разделять официальную марксистско-ленинскую идеологию, что определяло прочие его желательные черты. Советский человек должен быть готов жертвовать личными интересами ради общей задачи социалистического строительства, строительства коммунизма и для защиты социалистического отечества. Главной целью его жизни должно было быть именно участие в создании совершенного общества под руководством партии и правительства.

Советский человек должен был быть носителем определенных моральных качеств. Эти желаемые качества были представлены в так называемом моральном кодексе строителя коммунизма, сформулированном в программе партии, принятой на XXII съезде КПСС. Среди них значились преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов, коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного и т. д.

Утопичность и оторванность этих предписаний от повседневной реальности и повседневных проблем советских людей приводили к формированию двоемыслия, люди принимали идеологические ценности и нормы на декларативном уровне, но в жизни руководствовались другими принципами. Это лицемерие размывало моральный фундамент советского общества. И именно это двоемыслие стало одной из черт, которые выделили в качестве реальных качеств советского человека исследовавшие его как эмпирический феномен, а не миф или идеологический проект.

Действительный советский человек, если следовать трактовке, предложенной Ю. А. Левадой и развиваемой Л. Д. Гудковым и другими участниками проекта по исследованию советского человека, формировался не столько чистой идеологией, сколько реальными практиками жизни в специфическом советском социуме, определенной системой социальных институтов, сама форма которых была овеществлением идеологических представлений.

Так, социалистическая экономика основывалась на тотальном огосударствлении хозяйственных функций и централизованном контроле и планировании. Помимо постоянного хронического дефицита, эта экономика сформировала специфический тип работника, который существенно отличался от идеала труженика-стахановца, сформированного еще в 30-е гг. В условиях ограничения экономической инициативы, отрицания значимости материальной заинтересованности работника и гарантированной занятости советский работник 70–80-х гг. действовал согласно принципу «они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Система огосударственной централизованной экономики могла работать относительно эффективно лишь при наличии драконовских законов, постоянной угрозы наказания работника и в специфических исторических обстоятельствах. Когда исторические обстоятельства изменились, экономика всё более пробуксовывала, возможность её реформирования ограничивалась и даже блокировалась именно идеологическими соображениями.

В 70–80-е гг. прошлого века началось идеологическое разложение советского строя, поскольку задаваемые идеологией ценности и ориентиры всё отчетливее понимались как утопические. Для многих становилось очевидным, что капиталистические страны значительно опережали первое в мире социалистическое государство практически во всех областях социально-экономического и культурного развития. При нарастании отчуждения от власти и навязываемых ею ценностей (от которых все больше отклонялись и сами представители правящей партийно-государственной бюрократии) советские люди всё же оставались зави-

симыми от государства, и эта ориентация на государство была признана исследователями советского человека в качестве важной его черты.

Уже в постсоветское время сохранялось недоверие значительной части российского населения к частным (Shakhbanova, 2019), а не государственным медицине, образованию и даже производству (довольно устойчивым и сегодня является миф о советском качестве товаров, обеспечиваемом государственным контролем). Это недоверие было во многом обосновано: частные медицинские и образовательные услуги в постсоветский период действительно нередко были сомнительного качества – предпосылкой чего являлось именно сохраняющееся представление о необходимости государственного контроля и о его отсутствии – как о возможности нарушения стандартов качества во имя единственной реальной ценности – дохода. В государствоцентричном советском обществе не было условий для формирования механизмов личной ответственности за результаты профессиональной деятельности. Таким образом, специфика советского человека предопределила во многом постсоветскую динамику российского общества.

Какими же чертами обладал советский человек? Л. Д. Гудков выделяет следующие его характеристики:

1. Убежденность в исключительности, особенности советского человека, его превосходстве над представителями других народов. Правда, это превосходство не имело этнической составляющей, ведь советский человек – это часть советского народа, который являлся наднациональной общностью. Исключительность советского человека связывается с его особой исторической ролью – ролью строителя социалистического и коммунистического общества.

2. Убежденность в своей принадлежности государству. За десятилетия существования советского строя, характерной чертой которого было тотальное присутствие государства во всех сферах существования, у людей выработалось специфическое отношение к государству. Советские люди ожидали от государства заботы, защиты и опеки и в то же время испытывали страх и недоверие по отношению к нему. По мере ослабления репрессивного характера государства страх постепенно уменьшался, но представление о необходимости государственного регулирования сохранялось, как сохранялся и тотальный характер государственного присутствия. Это отношение к государству и его роли в жизни человека отмечают и современные исследования.

3. Уравнительные, эгалитарные установки. Советская идеология провозглашала необходимость бесклассового общества, общества, где все равны. Ярко выраженные различия – не только экономические, но и куль-

турные – считались чем-то неправильным. Идеологически советское общество представляло обществом равных и бесконечных возможностей для развития каждого советского человека. В реальности советское общество было заметно стратифицированным, хотя в основе этой стратификации лежали иные критерии, чем в обществе капиталистическом. Тем не менее неравенство воспринималось как нечто негативное. Можно вспомнить, какую роль сыграла «борьба с привилегиями» партийно-государственной номенклатуры в последние годы существования СССР. Учитывая тот факт, что данные привилегии выглядят ничтожными по сравнению с тем разрывом между качеством жизни и доходами, который существует в постсоветской России между элитами и массой, неудивительной оказывается тоска многих россиян по советскому, более «справедливому» обществу.

4. Соединение превосходства с ущемленностью. Данная характеристика была обусловлена разрывом между идеологией и реальностью. В рамках идеологии, транслируемой не только средствами массовой информации, но и образованием всех уровней, советское общество представляло как передовое, советский народ – строитель коммунизма – как авангард всего прогрессивного человечества. Однако эти представления наталкивались на повседневную реальность, в которой советский человек был довольно бесправным и ограниченным в своих возможностях. Идеология выступала не только как раздражитель, но и как определенная компенсация. Тяготы обыденной жизни уравнивались величиной исторической задачи. Человек мог гордиться этой задачей, даже если его собственные достижения были не слишком велики (Гудков, 2007).

По мнению Ю. А. Левады, основными чертами советского человека были имперский синдром, принудительная самоизоляция, эгалитаризм, государственный патернализм (Левада, 2003). Из этих характеристик не слишком понятной предстает лишь одна – принудительная самоизоляция. Что это означает? Речь идет о том, что советский человек существовал в условиях информационной блокады. Информация о мире за пределами границ СССР и даже о ситуации в различных регионах Советского государства была ограниченной и пропущенной сквозь фильтры государственных средств массовой информации. Личный опыт зарубежных поездок имели единицы советских граждан, возможность выезжать была привилегией, доступной немногим.

В итоге картина мира, складывавшаяся в представлениях советского человека, была далекой от реальности. Изоляционизм касался не только осведомленности о положении дел в мире, но и доступа к культурным достижениям: в СССР выпускалось огромное количество печатной продукции – книг, газет, журналов, но лишь тех, содержание кото-

рых не противоречило господствующей идеологии. Широкий доступ к идеологически опасным достижениям мировой культуры также был привилегией немногих.

Все эти черты формировались в результате воздействия на индивида всей совокупности советских социальных институтов. Среди них наиболее важную идеологическую роль играли система образования всех уровней и совокупность институтов культурного производства и распространения информации (Касьянов, 2020). Эти институты обеспечивали непрерывную идеологическую индоктринацию населения. Прочие институты, связанные с различными видами социально-экономической деятельности, формировали те структурные ограничения, приспособление к которым определяло специфические практики повседневного поведения советских людей.

Возвращаясь к вопросу о возможных перспективах возрождения модели советского человека (причем как мифа, так и реального исторического феномена), поставленному в начале статьи, можно отметить следующее: такое возрождение было бы возможным лишь при условии восстановления советского институционального и идеологического порядка, однако история не может двигаться в обратном направлении. Воспроизведение советского эксперимента по воссозданию нового человека и нового общества в сегодняшней российской действительности невозможно.

Заключение

После рассмотрения феномена советского человека в его идеологическом и реально-историческом аспектах мы пришли к выводу о невозможности его реконструкции. Однако существует другой аспект проблемы: является ли советский человек только лишь фактом истории? Ответ на этот вопрос неоднозначен. С точки зрения Ю. А. Левады, Л. Д. Гудкова и других исследователей, связанных с проектом изучения советского человека, этот феномен не исчез. Напротив, специфика постсоветского общества во многом обусловлена сохранением многих черт советского человека. Постсоветское государство не является государством тоталитарным, но тем не менее оно довольно далеко от государства демократического, его присутствие заметно во всех подсистемах современного российского общества, причем оно стремится наращивать свое присутствие. Современные россияне, особенно представители старших возрастных групп, имеющие непосредственный опыт жизни в советском обществе, воспроизводят патерналистские ожидания, связанные с государством. Имперские настроения так же живы в сознании многих россиян, как и представления об особом пути России и склон-

ность противопоставлять себя другим народам. В этом контексте ностальгия по советскому образу жизни может быть понята как свидетельство того, что советский человек не является только лишь феноменом истории. Как совокупность определенных установок, как социальный мираж, он продолжает свое существование и сейчас.

Литература

Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. М., 2020.

Гества К. Homo Советикус и крах советской империи // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4 (116). С. 111–118.

Гудков Л. Перерождение советского человека. Об одном проекте Ю. Левады // Одиссей: Человек в истории. 2007. № 1. С. 398–436.

Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Васьков М.А. Российское население в условиях режима самоизоляции: анализ депривационного влияния на социальное здоровье // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 204–208.

Левада Ю. «Человек советский». Четвертая волна. Человек особенный // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2003. № 1 (67). С. 8–16.

Научный коммунизм: словарь / под ред. А.М. Румянцева. М.: Изд-во политической литературы, 1983.

Резанова З.И. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: реструктурирование мифа // Ностальгия по советскому / отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2011. С. 110–126.

Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6, № 2. P. 296–305.

References

Gafiatulina, N.Kh., Kasyanov, V.V., Samygin, P.S., Samygin, S.I. (2020). Russian society in self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic. Moscow. (in Russian).

Gestva, K. (2013). Homo Sovietikus and the Collapse of the Soviet Empire. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 3-4 (116), 111-118. (in Russian).

Gudkov, L. (2007). The rebirth of a Soviet man. About one project of Yu. Levada. *Odissey: Chelovek v istorii*, 1, 398-436. (in Russian).

Kasyanov, V.V., Gafiatulina, N.Kh., Vasikov, M.A. (2020). The Russian population in the conditions of the regime of self-isolation: analysis of the deprivation impact on social health. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*, 2, 204-208. (in Russian).

Levada, Yu. (2003). "Soviet man". The Fourth Wave. Person special. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannyye, analiz, diskussii*, 1 (67), 8-16. (in Russian).

Scientific Communism: Dictionary. (1983). A.M. Romyantseva (Ed.). M: Izd-vo politicheskoy literatury. (in Russian).

Rezanova, Z.I. (2011). Mythologem "Soviet man" in the context of post-perestroika epoch: restructuring of myth. *Nostal'giya po sovetскому*. Z.I. Rezanova (Ed.). Tomsk, 110-126. (in Russian).

Shakhbanova, M.M., Kasyanov, V.V., Gafiatulina, N.Kh., Gluzman, I.V., Polivina, M.A., Gnatyuk, M.A., Ramazanov, R.O. (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. *Revista Inclusiones*, 6, 2, 296-305.

Поступила в редакцию

21 октября 2020 г.